

$$u \frac{419}{33}$$

5
3

419
33

ДУХОВНИКЪ СЕ. РУСН.

Протоіерейъ Іоаннъ Семеновъ

„Amo, ergo sum“. (Я люблю
смысловательно—существую).

—**—

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

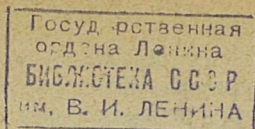
Л. Е. Катанскаго.

Handwritten text, possibly "C. 240" or similar, with a diagonal slash.

2007056318

У 419
33

65204-46

Духовникъ Св. Руси.

I.

Въ 1891 г., во время вечерней прогулки въ Москвѣ, я однажды обратилъ вниманіе на небольшую толпу, мирно стоявшую на Пречистенкѣ около подъѣзда одного большого, ярко освѣщеннаго дома.

— Что за событіе здѣсь?—спросилъ я, пробираясь сквозь толпу.

— Отецъ Іоаннъ сейчасъ пожалуетъ,—отвѣтилъ мнѣ женскій голосъ.

— Какой отецъ Іоаннъ?—переспросилъ я.

— А нашъ... Кронштадтскій,—пояснилъ мнѣ деревенскій старикъ съ котомкой за плечами.

— Да ты и самъ-то, дѣдушка, кажется, не нашъ московскій и не кронштадтскій. Какъ же ты говоришь про о. Іоанна, что онъ „нашъ“, т. е. и твой, и мой, и всѣхъ вотъ тутъ?—возразилъ я.

— Солнце и звѣзды на тверди небесной утверждены такъ, что всѣмъ видимы и на всѣхъ одинаково изливаютъ свѣтъ свой. Такжеже и всея Руси пастырь Іоаннъ... Нашъ онъ и всѣхъ концовъ земли нашей онъ. Вотъ что!—проговорилъ тономъ старообрядческаго начетника высокій худощавый монахъ съ длинной до пояса бородой.

— Воистину такъ!—подтвердили въ одинъ голосъ нѣсколько человѣкъ.

Монахъ дернулъ меня за рукавъ и промолвилъ:

— А ты постой-ко съ нами, да прими благословеніе отъ него. Не лишнее дѣло, если онъ своею рукою спугнетъ на часокъ суетныя мысли твои. Вынырнуть изъ моря суеты, чтобы чистаго Божьяго воздуха глотнуть, всегда хорошо. Остановился ты около насъ съ празднымъ подозрѣніемъ, а уйдешь, себя вопрошая...

— Правильно! Правильно, милый человѣкъ,—под-

дакнула монаху пожилая, полная женщина въ старомодномъ бурнусѣ. Живя въ міру, не остережешься на всякій часть,—добавила она. Иной разъ позабудешь оградиться молитвой Иисусовой, анъ глядишь:—врагъ рода человѣческаго тутъ, какъ тутъ, и лапою свою тебѣ въ сердцѣ набаландаль. Съ того самаго всѣ наши безпокойства, страхи, памороки. Вотъ, къ примѣру, мужъ у меня:—какъ оставилъ приверженность ко храму и пастырямъ, такъ и завелась у него всякая невнимательность. Хотя и въ здоровомъ умѣ онъ и не пьетъ, а только и половины того не понимаетъ, что самъ языкомъ произносить. Ужъ какъ я его усовѣщивала, чтобы хоть разъ благословеніемъ батюшки о. Іоанна оградился, такъ куда тебѣ! „На что мнѣ, говоритъ, его благословеніе, когда въ этомъ знакъ безмолвный. Мнѣ, говоритъ, желательно въ своей умственности свое счастіе отыскать“...

— О, Господи!—воскликнула бойкая молодая женщина.—Да онъ у тебя совсѣмъ порченый. Съ чего же ему попритчилось?

— Съ прошлаго Татьянина дня,—отвѣтила вопрошаемая.—Угораздило его всего-то на всего одинъ вечерокъ со студентами пображничать на ихнемъ праздникѣ. Вотъ съ того разу и укоренилась въ немъ порча. Точно бы студенты не около него, а въ самой его головѣ надобоширили и все тамъ перебуровили.

— Съ неровней сошелся, за неровней потянулся:—хотѣлъ сразу съ нижней ступеньки прямо на верхнюю шагнуть да и не разсудилъ, что послѣ аза не ижица стоитъ, вотъ отъ того и свихнулся,—пояснилъ монахъ.

— Это вѣстимо такъ,—поддакнулъ ливрейный лакей, стоявшій на порогѣ.—Удостоился я прошлый батюшкинъ пріѣздъ къ намъ слышать отъ него въ этомъ родѣ. Ему одна барыня касательно упадка своихъ сыновей жаловалась. А батюшка-то, вмѣсто сочувствія ей, на нее же и возгнѣвался.—„Ты, говоритъ, какъ родила ихъ, такъ сразу начала, что-ль, мясомъ кормить?“—„Нѣтъ, отвѣчала барыня, —смотря по возрасту: —сперва, конечно, молоко, потомъ кашкою, а какъ смышленность ихняя позволила, то стала давать мясо“.—„А мясо-то, выказалъ батюшка, сперва, конечно, давала безъ костей, крошенное, а потомъ ужъ и съ косточками позволяла

управляться. Ну, а обучала-то ихъ какъ?» спрашиваетъ батюшка. — „Съ азбуки и все въ постепенности“, отвѣтствовала барыня. — „Черезъ гимназію, стало быть, въ университетъ вела, — сказалъ батюшка. А къ Богу-то вела ли?“ — „Молитвы они учили, потомъ законъ Божій“, отвѣчала ему барыня. — „Скажи лучше: не учили, а долбили, — поправилъ ее батюшка. Долбежка духовной науки, говоритъ, у нихъ съ тѣмъ же чувствомъ шла, съ какимъ они выучивали ариѣметику и все прочее. Учителя ихъ, говоритъ, учили всему, что надо, чтобы на экзаменахъ мѳгли умными показаться. Ну, а ты то, спрашиваетъ, за сердцами ихъ ухаживала ли? Направляла ли ихъ такъ, чтобы они, помимо людского одобренія, еще и Божьяго бы одобренія достигали?“... — „Внушала по силѣ, отвѣчала барыня, да вѣдь въ сердце и своего ребенка двери не найдешь“...

— Не нашла въ ихнія сердца дверей, такъ вотъ и получай вмѣсто людей, звѣрей — высказалъ ей батюшка. «Забыла, говоритъ, ты, что примѣръ роду человѣческому показанъ Господомъ на птичьемъ родѣ. У птицъ родится сперва яйцо. Ежели это яйцо не пребудетъ положенное время въ материнскомъ теплѣ, то оно, говоритъ, такъ и остается только бездушною вещью. Такъ и у людей. Рожденный ребенокъ, что яйцо: — съ зародышемъ, говоритъ, къ жизни, но бездушенъ къ процвѣтанію во Христѣ. Котораго ребенка не прогрѣли родители и ближніе до корня души, до корней всѣхъ чувствъ его, тотъ такъ и останется мертвъ духомъ для Бога и добрыхъ дѣлъ. Изъ такихъ то вотъ непрогрѣтыхъ любовью и духовнымъ уходомъ ребятъ и происходятъ въ мірѣ тѣ самыя поколѣнія, изъ которыхъ князь міра сего вербуетъ свои полки противъ Бога и св. церкви Его. Вспомни-ко, поучалъ батюшка: — вѣдь христосованіе яйцами напоминаетъ намъ, что каждому христіанину надо дважды рождаться: одинъ разъ плотію въ жизни вещественную, а другой разъ духомъ въ жизнь Божескую. Чего, кажись, проще, а вотъ эту то, говоритъ, простоту никакъ не могутъ понять люди. Поэтому, говоритъ, и пожираетъ насъ вѣчный врагъ, какъ яйца недвижимыя и безсловесныя. Да этакъ же, говоритъ, и другъ друга то мы пожираемъ...

— Правилень гласъ его!—воскликнулъ монахъ. Небрежемъ мы своею вѣчною пользою и если бы не посылалъ Господь въ міръ особливыхъ посланниковъ, подобныхъ пастырю Руси Іоанну, то давно бы заживо адъ на землѣ водворился бы...

— Ёдетъ! Ёдетъ!.. воскликнули въ толпѣ и всѣ взоры обратились на подкатившую къ крыльцу коляску.

Въ первый разъ въ жизни я увидѣлъ отца Іоанна.

Онъ быстро вышелъ изъ экипажа, отстранивъ нетерпѣливымъ жестомъ подоспѣвшаго лакея.

— Заждались! Утомились! Не сѣтуйте! Все въ благовременіи!—заговорилъ ласково о. Іоаннъ. Азъ, какъ дѣлатель Божій отъ единонадесятаго часа, посреди васъ. Удѣлите же и мнѣ лепту любви вашей и молитвъ!—говорилъ отецъ Іоаннъ, благословляя суетившихся около него людей.

Я, какъ непринявшій участія въ общей торопливости, оказался поодаль ото всѣхъ.

— Такъ и быть! Иди ужъ и ты, и тебя благословлю,—сказалъ о. Іоаннъ, сдѣлавъ два—три шага ко мнѣ на встрѣчу.

— Я не Христосъ, но ты Закхей. Попалъ на смоковницу, вотъ и меня нехотя увидѣлъ. Не сочти колдуномъ!—промолвилъ о. Іоаннъ, благословляя меня и пристально взглянувъ мнѣ въ глаза.

— Что вы! Что вы, батюшка!—возразилъ я, почувствовавъ странную тревогу во всемъ своемъ существѣ.

— А ничего я! Я такой же, какъ и всѣ. Ни больше, ни меньше! возразилъ въ свою очередь о. Іоаннъ. Я только не сгибаю сознанія своего предъ модными мыслями. Не ищу, и не даю оправданія имъ. Держись и ты не авторитета модныхъ идей, а авторитета Христа. Вѣрь въ удобоисполнимость Его вѣчныхъ указаній и Его вѣчнаго закона. Помни, что модныя идеи суть только отродья явленій мірскихъ. Они пустоцвѣтъ жизни:—цвѣтутъ пышно, но плодовой завязи нѣтъ,—добавилъ о. Іоаннъ, направляясь ко входу въ домъ.

— Батюшка! мала моя вѣра!—воскликнулъ я, хватая его за рукавъ.

Волненіе и необъяснимый страхъ потрясали каждый мой нервъ. Мнѣ почувствовалось, что я разрыдаюсь.

Отецъ Іоаннъ обратился лицомъ ко мнѣ и размахистымъ движеніемъ взялъ меня за плечо.

— Вѣра твоя впереди!—громко произнесъ онъ, потрясая меня за плечо. Пока же отъ маловѣрія своего взывай воплемъ Петра утопавшаго:—„Господи! спаси меня!“ И Христосъ, хоть и съ укоромъ маловѣрію твоему, но ускорить спасательные шаги Свои и поспѣшить подать руку помощи. Онъ не столько ради вѣрующихъ, сколько ради маловѣрныхъ и чудеса то творилъ! Помнишь, какъ апостолы въ бурю на лодкѣ:—съ Господомъ плыли, да со страху подумали, что волны поглотятъ ихъ вмѣстѣ съ Самимъ Христомъ Господомъ. Показалось, вишь ты, имъ, что и Господь утонетъ. Но Онъ по сочувствію къ ужасу маловѣрія, тогда повелѣлъ вѣтру умолкнуть и волнамъ перестать. Потомъ для разсѣянія малодушной скорби и страшнаго сомнѣнія въ Его всемогуществѣ былъ воскрешенъ Имъ Лазарь четверодневный. Поэтому то и сказано въ писаніи: „преизобилуетъ благодать тамъ, гдѣ умножился грѣхъ“. А что грѣшнѣе малодушія, маловѣрія и сомнѣнія во всемогуществѣ Христовомъ!? Не забывай же взывать къ Богу въ мрачные дни прилива сомнѣній и маловѣрія. Не дѣлай скачковъ отъ грѣха къ праведности. Иди послѣдовательно, вдумчиво, распознавая сокровенный голось, зовущій отъ мрака къ свѣту. Научись чувствовать въ обыденныхъ событіяхъ жизни своей Руку ведущую и указующую. Этимъ путемъ накопиай въ себѣ духовный опытъ, а прочее все приложится.

— Я человѣкъ обстоятельствъ, зависимый и отъ страстей, и отъ людей, и отъ неодолимыхъ крайностей, высказалъ я.

— Не богохульствуй!—крикнулъ на меня о. Іоаннъ. Отъ Бога Единаго мы зависимы. Онъ не гнушается вести счетъ даже нашимъ волосамъ. Господь Христосъ возвѣстилъ вѣдь намъ, что Ему Единосущному и Славимому въ Троицѣ дадеса всякая власть на небеси и на землѣ. Онъ же предупредилъ насъ, что безъ Него мы не можемъ творить ничего благозначащаго передъ Очами Промысла. Вотъ что хорошее сдѣлаешь, то не твое и не отъ тебя. А что худое сдѣлаешь, подъ тѣмъ смѣло ставь свое имя и считай то своею собственностью.

Такъ понимая, не заблудишься. Отъ маловѣрія прійдешь къ вѣрѣ. Достигнешь свѣтлаго источника, текущаго въ жизнь вѣчную. Все ли слышали?—спросилъ о. Іоаннъ, обратившись къ народу.

— Все, отецъ! Все, батюшка!—отвѣтили люди.

— Блюдите же слова мои, зане глаголь есть отъ разума Матери Нашей Св.Церкви!—воскликнулъ о. Іоаннъ и скрылся въ дверяхъ.

Народъ остался у подъѣзда, а я пошелъ домой.

— Такъ вотъ онъ, этотъ знаменитый священникъ, думалъ я наединѣ съ самимъ собою, сидя въ своей одинокой комнатѣ. Не знаю, размышлялъ я, кто кого больше любить:— онъ ли народъ, или народъ его. Но какъ бы то ни было, а личность его—явленіе знаменательное:—одно воспоминаніе его имени настраиваетъ сердца къ такимъ думамъ и сужденіямъ, которыхъ не было бы, если бы его не было, особенно въ эту пору скептицизма въ массахъ и Саблеризма въ духовенствѣ.

Въ этотъ вечеръ я въ первый разъ въ жизни почувствовалъ потребность освѣтить лампадой стоявшій въ углу образъ Спасителя. Сбѣгалъ въ лавку за масломъ и за свѣтильной, и превратилъ въ Божію лампаду тотъ самый стаканъ, который чуть было не сдѣлался послѣднею и самую прочною привязанностію моею разсѣянной, вѣтряной и разгульной жизни.

II.

Встрѣча съ о. Іоанномъ вызвала во мнѣ сильное душевное потрясеніе. Меня съ той поры начали одолевать мысли, что я отъявленный духовный лѣнтяй и бесполезное для себя и людей перекаати—поле. Прежнее увлеченіе Львомъ Толстымъ надломилось. Никакъ не могло ужиться въ моемъ сердцѣ это имя, рядомъ съ чистымъ именемъ и образомъ о. Іоанна. Художественная величественность Толстого точно умалаялась и таяла передъ моимъ сознаніемъ. Запечатлѣвшаяся въ душѣ отрывистая, искренняя рѣчь о. Іоанна эхомъ своимъ потрясала всѣ тѣ уголки моего сердца, гдѣ такъ долго и такъ бережно хранилъ я отчеканенныя новыя скрижали Толстого.

Я чувствовалъ, что уже безповоротно надломлено мое стремленіе разгадать или найти, по указкѣ Толстого, готовую мудрость, какъ формулу безусловнаго или конечныхъ причинъ. Та самая мысль моя, которая раньше не хотѣла искать истины медленнымъ и скромнымъ трудомъ, и радостно собиралась, подъ руководствомъ Толстого, вторгнуться въ тайны природы и неба, почувствовала вдругъ себя туждающеюся и обремененной. Недавняя любопытная жажда мірового секрета, пробужденная во мнѣ нашептываніями Толстого и отнимавшая у меня такъ долго всякую способность къ серьезному личному подвигу, смѣнилась отчаяннымъ недоразумѣніемъ. Мое сознаніе отказывалось искать гдѣ-нибудь зарытаго клада и омрачалось тоскою о напрасно потраченномъ времени на эти безцѣльные поиски. Словомъ, минутное соприкосновеніе съ душою о. Іоанна вызвало цѣлую бурю въ моей душѣ и движеніе этой бури разогнало навѣянный Толстымъ обманъ. Точно сквозь игольное ухо пробирался я со всѣми моими недавними идеями, вѣрованіями и убѣжденіями. Были дни, когда я опасался, что не вынесу этого духовнаго переворота, этой внутренней катастрофы. Однако, душа переболѣла, и когда я почувствовалъ ее исторгнутою изъ Толстовскихъ понятій, мнѣ сдѣлалось ясно и тепло. Ко мнѣ возвратились радости труда и сладость отдыха и я, точно оправившійся отъ долгой, мучительной болѣзни, возблагодарилъ Бога, Создавшаго о. Іоанна.

III.

Черезъ два года послѣ этого пережитаго душевнаго переворота пришлось мнѣ быть по дѣламъ въ Вильнѣ. Тамъ въ то время пребывалъ о. Іоаннъ на освященіи Дома Трудолюбія Доброхотной Копѣйки.

Очень пожалѣлъ я, что не засталъ торжества освященія. Мнѣ сказали, что на завтра уже назначенъ отъѣздъ о. Іоанна.

Въ день отъѣзда его я поторопился къ вокзалу. Мнѣ думалось что провожающихъ будетъ немного, такъ какъ полякамъ и евреямъ до него дѣла нѣтъ, а какіе

есть русскіе, тѣ всѣ уже, предполагалъ я, растворились безъ остатка въ Виленскомъ польско-еврейскомъ царствѣ.

Однако, мои предположенія не оправдались. Я увидѣлъ всѣ прилегающія къ вокзалу улицы запруженными народомъ.

— Поѣзда пріостановлены, говорили въ толпѣ. Поѣздъ о. Іоанна уже на запасный путь отставленъ, чтобы, значить, народу доступнѣе къ нему было...

— Да откуда же столько провожающихъ? спросилъ я перваго попавшагося чиновника.

— Евреи и поляки пожелали его проводить, отвѣтилъ чиновникъ. Столько ихъ набилось и столько больныхъ своихъ нанесли, что войска и полиція изъ силъ выбиваются...

Надо было видѣть, чтобы понять, что за движеніе произошло, когда появился посреди народа о. Іоаннъ, сопровождаемый и. д. губернатора Е. Н. Скалономъ. Со слезами, съ воплями протянулись по направленію о. Іоанна многія тысячи рукъ. Необъятная человѣческая волна, съ обнаженными головами, колыхалась какъ подъ напоромъ подземныхъ силъ. Казалось, что дома не устоятъ на мѣстахъ отъ этого народнаго натиска.

Миновавъ Остробрамскую святыню, о. Іоаннъ вышелъ изъ экипажа и направился сквозь ряды расположенныхъ вдоль дороги къ вокзалу больныхъ, которые лежали и сидѣли безконечной вереницею. Всѣ дѣлали усилія двинуться на встрѣчу проходившему батюшкѣ, который наклонялся почти къ каждому, благословляя и что-то говоря.

— Отецъ!... Батюшка!... Божій посланникъ!... Благослови!.. Взгляни хоть.. кричали, рыдая, евреи и поляки, бия себя кулаками въ грудь.

Всѣ, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій, цѣловали его рясу, руки. Многіе бросались цѣловать даже тѣхъ больныхъ, которые только что удостоились прикосновенія и благословенія о. Іоанна.

Передаю о видѣнномъ по бѣглому впечатлѣнію, потому что не было возможности замѣтить наиболѣе выдающіеся случаи духовнаго движенія безчисленной инородческой массы. Все было въ движеніи и всѣхъ очи, помыслы и сердца были устремлены къ о. Іоанну. Онъ

и народъ какъ бы слились тогда въ одну великую вселенскую свѣчу передъ очами Бога, Благословлявшаго съ небесъ всѣхъ безъ различія въ тѣ приснопамятныя минуты.

Страшно подумать, что изъ тѣхъ же самыхъ поляковъ и евреевъ, которые тогда горѣли благоговѣйнымъ движеніемъ вокругъ о. Іоанна, нашлись теперь хулители его, не стыдящіеся слагать о немъ срамные рассказы и насмѣшки.

— Не надъ о. Іоанномъ ругаетесь, а надъ благодатью, почивающею на немъ, ругаетесь вы, несчастные инородцы и иновѣрцы! Опомнитесь хоть ради боязни передъ Тѣмъ, Который древле не простилъ насмѣшекъ надъ пророкомъ Елисеємъ даже малымъ, неразумнымъ дѣтямъ!..

IV.

Спустя шесть лѣтъ послѣ рассказанныхъ событій судьба занесла меня на службу въ Кронштадтъ. Обязанность моя была тяжелая и опасная. Приходилось бороться съ тысячеголовой гидрою, называемой воровствомъ изъ казны. Въ Кронштадтскомъ обществѣ у всѣхъ, отъ мала до велика, господствовало убѣжденіе, что казенное есть ничье и что взятка есть доходъ. Поэтому, приходилось много страдать отъ мелочного зла и ежедневныхъ тревогъ и безпрестанно видѣть только дурныя стороны изворовавшагося общества.

Вѣрно говорится, что изнанку челоѣчества безнаказанно видѣть нельзя: — можно нажить людобоязнь или — того хуже — людопрезрѣніе.

Вотъ при такомъ то неудобномъ настроеніи собственной внутренней жизни мнѣ лишь случайно приходилось наблюдать дѣятельность о. Іоанна. Часто видѣлъ я его ѣдущимъ куда нибудь, служащимъ, благословляющимъ и только. Но у самого у меня, вѣчно занятаго, не было ни времени, ни желанія стать поближе къ нему. По правдѣ сказать, окружавшіе его стѣною спутники и слуги были извѣстны мнѣ своею изнанкою и это удерживало меня отъ близости къ о. Іоанну.

— Охота о. Іоанну давать себѣ мыкать этой необо-

ятной волнѣ человѣческой назойливости! высказалъ однажды я одному своему пріятелю.

— Отецъ Іоаннъ—не Лютеръ и не расположенъ ограничиваться фатальнымъ формализмомъ, возразилъ пріятель. Онъ по характеру не политикъ и не практикъ. У него нѣтъ никакихъ предвзятыхъ расчетовъ. Для него вѣчное право св. церкви выше свѣтскаго права. Поэтому то дѣятельность его по отношенію къ свѣтскому праву и кажется тебѣ и многимъ такою бѣдною и осторожною.

— „Очищайте вѣру покаянiемъ и преданностію волѣ Божіей!“ твердитъ постоянно о. Іоаннъ.

— Но вѣдь долженъ же онъ сознавать, что самъ сейчасъ принадлежитъ къ церкви воинствующей. Слѣдовательно, долженъ имѣть идею духовной борьбы, опредѣленную цѣль ея и необходимую опору для нея, возражалъ я.

— Онъ и имѣетъ все это, отвѣчалъ пріятель. Ты видишь, что онъ борется не только и не прямо противъ свѣтскаго порядка, а противъ нечистыхъ источниковъ его. Въ этой борьбѣ онъ опирается не на аристократическій или интеллигентный элементъ, а на ту необъятную волну, которая притекаетъ къ его порогу, ища себѣ отъ него все то, что каждому подсказываетъ совѣсть. Принимая всѣхъ безъ различія настроеній и качествъ, онъ находитъ своего союзника въ томъ свободномъ чувствѣ кажлага, которое у каждаго живетъ въ сердцѣ. На почву этого чувства онъ щедро, безъ вѣса и безъ мѣры, бросаетъ семена христіанства, упитанныя его безграничнымъ довѣріемъ и согрѣтыя лучами его глубокаго благожеланія. — „Было бы косѣяно, когда нибудь взойдетъ!“ твердитъ онъ, однихъ порицая, другихъ лаская и утѣшая, и третьимъ давая безъ отдачи все, что подъ руку попадетъ. Это-то и есть истинное служеніе дѣлу улучшенія человѣчества. — „Человѣкъ, какъ бы онъ грѣшенъ не былъ, не пусть и не безнадеженъ для Царствія Небеснаго“, говоритъ о. Іоаннъ.

— Однако, согласись, — возражалъ я: — онъ своими безконечными подаяніями поддерживаетъ опасное въ гражданской жизни тунеядство. А что можетъ быть вреднѣе страсти къ даровщинѣ.

— Вѣрно, вѣрно! подтвердилъ пріятель. Страсть къ

даровщинкѣ, если разовьется до извѣстнаго предѣла, то превращаетъ тунядствующія массы во враговъ всякаго благосостоянія. Но согласишься же и ты, — предложилъ пріятель, — что въ ряды бѣдствующихъ попадаютъ исключительно жертвы общественныхъ неурядицъ, т. е. только тѣ, которыя обездолены сложившимся порядкомъ жизненныхъ условій. Всякій порокъ есть явленіе неестественное, а слѣдовательно, прежде всего, тягостное для того, кто имъ одержимъ. Поэтому то о. Іоаннъ и предлагаетъ смотрѣть на каждый порокъ, какъ на болѣзнь въ ближнемъ и какъ на живое предостереженіе тебѣ самому. — „Встрѣтишь, говоритъ, безногаго и скажи: — прости мнѣ, Господи, мои здоровыя ноги. Также проси, говоритъ, у Бога прощеніе и за свои здоровыя глаза, руки, разумъ и за все, чѣмъ ты обладаешь, тогда какъ у другого этого нѣтъ. Здоровые члены и чувства онъ называетъ талантами, данными каждому для успѣшнаго служенія Богу и ближнимъ. Вотъ почему о. Іоаннъ и совѣтуетъ каждому дѣлиться съ убогими отъ плодовъ здоровья своего. Съ неменьшею заботливостью относится о. Іоаннъ и къ нищимъ отъ личной порочности. — „Пьянство, говоритъ онъ, у людей или отъ заразы дурными примѣрами, или съ отчаянія“. Лѣнь же онъ считаетъ въ большинствѣ слѣдствіемъ того, что людская несправедливость не оплачиваетъ трудъ по надлежащей его стоимости и тѣмъ отнимаетъ у труда его успѣхи, его результаты и отбиваетъ у человѣка охоту къ настойчивой труженической жизни. Словомъ, въ людскихъ недостаткахъ, порокахъ и нищетѣ видитъ о. Іоаннъ двухстороннее наказаніе: — наказанъ тотъ, кто ими страдаетъ, да наказано и общество, которое само нажило себѣ это нравственное и матеріальное бремя. — „И терпите! приказываетъ о. Іоаннъ. Терпите, говоритъ, какъ живой крестъ свой! Терпите, поясняетъ онъ, за то, что не подоспѣли во время къ пошатнувшемуся ближнему, чтобы въ нужную минуту поддержать его и уберечь отъ паденія. Теперь же, когда его шатаніе сдѣлалось непоправимымъ зломъ, то вотъ говоритъ о. Іоаннъ, и получай его и не смѣй оттолкнуть. „Самъ Христосъ, какъ говоритъ о. Іоаннъ, предвидѣлъ по Своему Божеству, что нищихъ всегда будемъ имѣть съ собою и

что будутъ въ средѣ нищихъ и пьяницы и лѣнтяи. Однако, Господь возвѣстилъ, что благотвореніе нищимъ Онъ будетъ считать благотвореніемъ Себѣ. — „Что имъ сотворили, то Мнѣ сотворили, ибо они Мои братья!“ сказано въ Евангеліи. Вотъ, слыша это отъ Господа, и рѣши, предложилъ пріятель: — какъ тутъ быть и какъ помириться состоятельному человѣчеству съ тѣмъ, что Христосъ всѣмъ нищимъ, безъ различія причинъ происхожденія ихъ нищеты, даровалъ имя братьевъ Своихъ! Изволь-же, если ты христіанинъ, признавать, что пока люди не перестали способствовать къ происхожденію и развитію нищеты, до тѣхъ поръ они обязаны силой своего благотворенія пригонять заплату за заплатою къ пышной одеждѣ человѣческаго прогресса и культуры. Солидарно съ міромъ создавалъ зло, солидарно и поправляй его. Въ этомъ ученіи глубочайшая и вѣчная жизненная правота о. Іоанна.

V.

Привитый мнѣ службою оттѣнокъ недовѣрія къ добрымъ свойствамъ людей, которое я невольно переносилъ даже на дѣятельность Іоанна, разсѣялся въ отношеніи его въ 1901 году, когда мнѣ пришлось видѣть его въ Гжатскѣ на освященіи новаго собора, построеннаго А. И. Шапошниковою.

Виленское духовное движеніе около имени о. Іоанна, видѣнное мною въ 1893 году, повторилось и въ Гжатскѣ въ 1901 году, только въ чисто русской народной средѣ и съ еще большею силою, чѣмъ было въ Вильнѣ.

Прибытіе о. Іоанна въ Гжатскъ привлекло въ этотъ маленькій городокъ болѣе 300,000 народа. Не смотря на довольно прохладные дни конца апрѣля, народъ ночевалъ подъ открытымъ небомъ. Впрочемъ, едва ли кто, какъ слѣдуетъ, спалъ во время присутствія въ городѣ о. Іоанна.

Изъ устъ въ уста передавались знаменательныя слова Смоленскаго епископа Петра, сказанныя имъ народу.

— „Великій іерей великаго народа посреди насъ, — говорилъ владыка Петръ. Насыщайтесь лицезрѣніемъ богомольца нашего Іоанна и отъ одного Божьяго воздуха съ нимъ утолите сердца ваши обремененныя, ибо близость къ нему есть преддверіе благодатной отрады!“..

Такъ было сказано владыкою Петромъ и такъ понималъ и чувствовалъ весь народъ, недававшій своимъ безконечнымъ усердіемъ ни минуты покоя о. Іоанну.

Цѣлая рота солдатъ подъ начальствомъ капитана В. П. Николаева охраняла порядокъ около о. Іоанна, но и эта мѣра не обезпечила ему даже 3—4 часовъ спокойнаго сна.

Жители города поминутно приходили просить отца Іоанна о молебнахъ у нихъ на дому. Въ виду тысячи такихъ просьбъ была установлена очередь для исполненія ихъ. Пожелали и солдатики квартирующаго въ Гжатскѣ 17-го сапернаго баталіона помолиться вмѣстѣ съ о. Іоанномъ на баталіонномъ ихъ плацу. Просьба ихъ была исполнена благочестивымъ пастыремъ и въ полдень слѣдующаго за освященіемъ собора дня молились саперы предъ баталіонной своею иконою св. Сергія Радонежскаго. Прочувственныя слова молитвъ Добраго Пастыря глубоко потрясали сердца стоявшихъ въ каре солдатъ, вмѣстѣ съ ихъ офицерами и семействами. А изъ всѣхъ городскихъ церквей неся трезвонъ колоколовъ и солнце, — помню, — ярко искрилось въ слезахъ молящихся воиновъ. Всѣ инородцы: татары и евреи пожелали быть въ тотъ день въ строю, и я видѣлъ, какъ къ небу поднимали они полные слезъ глаза свои и молились вмѣстѣ съ христіанами, внимая молитвамъ о. Іоанна.

Въ тотъ же день о. Іоаннъ, по желанію арестантовъ-каторжанъ посѣтилъ пересыльную Гжатскую тюрьму. Открылись тюремныя ворота и сопровождаемый начальствующими лицами вошелъ батюшка на тюремный дворъ. Изъ всѣхъ оконъ тюрьмы, изъ за рѣшетокъ, смотрѣли арестанты и лица ихъ пылали праздничнымъ оживленіемъ. Просвѣтлѣли эти угрюмые люди, истово крестясь, и звали они своего свѣтлаго гостя къ себѣ въ камеры.

— „Христосъ Воскресе“ воскликнулъ батюшка.

— „Воистину Воскресе!“ раздался отвѣтъ несчастныхъ отщепенцевъ народа.

— Идите всѣ въ церковь, я буду молиться съ вами и за васъ, пригласилъ о. Іоаннъ.

И въ нѣсколько минутъ тюремная церковь была полна.

Вотъ о. Іоаннъ вышелъ въ эпитрахиль на амвонъ и съ теплымъ словомъ, выраженнымъ особымъ складомъ, свойственнымъ только одному ему, обратился онъ къ необычнымъ слушателямъ своимъ. Какою ласкою, какимъ утѣшеніемъ звучала его проповѣдь... А на слова батюшки:—„теперь помолимся о грѣхахъ своихъ!“—понеслись въ отвѣтъ рыданія. Вся закованная въ кандалы толпа упала на колѣни и такъ горячо молилась и каялась во всеуслышаніе, что чувствовалось, что въ эти мгновенія Господь Вседержитель простилъ ихъ всѣхъ и во всемъ...

Принося покой и отраду всѣмъ душамъ и сердцамъ, о. Іоаннъ не заботился о личномъ покоѣ. Только однажды, утомленный, онъ выѣхалъ за 2 версты за Гжатскъ и часа два поспалъ на чистомъ лонѣ матери-земли, охраняемый ротою капитана Николаева.

Теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ тогда почивалъ, стоитъ часовня, сооруженная усердіемъ жителей Гжатска.

Благословенны свѣтлые слѣды свѣтлыхъ служителей Господа!

VI.

Года три спустя по своемъ поселеніи въ Кронштадтѣ, я оказался, въ концѣ концовъ, въ такомъ положеніи, которое въ силахъ создать только самъ адъ. Одинъ облагодѣтельствованный мною полицейскій чиновникъ М., какъ сынъ вѣка, оказался догадливѣе самого зла. Онъ, ради приобрѣтенія всего, изъ чего я ему благодетельствовалъ, взялся за прибыльное въ наше время ремесло Іуды Искаріотскаго и укусилъ руку мою. А у Кронштадтскаго общества того времени не оказалось даже и той нравственной безгливости, которой нѣкогда отличались фариисеи, не принявъ возвращенныхъ Іудею сребренниковъ въ сокровищницу Храма. Поэтому, общество оказалось на сторонѣ Іуды, а Іуда—на сторонѣ воровъ.

Словомъ, я понялъ, что общество безнадежно за-

болѣло тою болѣзнью, которая называется разложеніемъ нравовъ и мнѣ пришлось избрать изъ двухъ золь меньшее:—бросить все и бѣжать на произволь судьбы!

Разставаясь навсегда съ Кронштадтомъ, я постарался повидать о. Іоанна.

— Разслабленнаго надо сперва исцѣлить, а потомъ уже заставлять ходить и дѣлать, сказалъ мнѣ на прощаньи онъ. Старое зло отжило. Новое зло народилось. Безъ схватки между ними дѣло не обойдется. Предавшіеся злу, въ злѣ и погибнуть! Гдѣ нѣтъ въ сердцахъ честности, тамъ нѣтъ и добродѣтелей. Нечестный воинъ есть завѣдомый трусъ. Такая среда—добыча попріятелю и внѣшнему и внутреннему. Иди отсюда! Тебѣ здѣсь нечего больше дѣлать! Необразишь никого тамъ, гдѣ два вѣка человѣческая безстыжесть вѣруеть въ спасительность воровства. Но Христа ради не сѣтуй ни на кого. Особенно же не осуждай мелочь-то, мелочь грѣшащую! Они—жертвы соблазновъ! Нельзя полуголодныхъ винить за иной грѣшокъ ради голода! Они вѣдь не могутъ сказать одеждѣ:—„не рвись!“ и сапогамъ:—„не разваливайтесь!“ Поэтому, только молись за нихъ, молись за всѣхъ, да исправится Богомъ зло вселенское! Помни; Св. Ап. Павелъ заповѣдалъ: — „непрестанно молитесь, за все благодарите“. Не научившись благодарить за все, не одолѣть дьявола и собственныхъ страстей. А вотъ, если бы ты умѣлъ за все благодарить, тогда на твоей сторонѣ давно была бы побѣда, а не поруганіе. Добрыми уроками очистилъ бы мысли и дѣла ближнихъ и у многихъ зажегъ бы желаніе идти вѣрнымъ Царю путемъ...

— Не понимаю васъ, о. Іоаннъ, высказалъ невольно я.

— Да что же тутъ непонятно! воскликнулъ онъ. Зло въ мірѣ дьяволъ городить со своими пріятелями. Суматошливо такъ, съ шумомъ городить. А самъ опасается, какъ бы изъ его городьбы не вышло добра. И вдругъ слышитъ, что ты благодаришь Бога за уготовляемую на тебя ловушку и благодаришь искренно, радостно, отъ полноты убѣжденія, какъ за самое лучшее добро. Въ такомъ случаѣ останется дьяволу только взять да сломать всю противъ тебя городьбу. И онъ ее со скрежетомъ, съ

яростью ломаетъ, чтобы ни одной изъ нея щепки не ушло въ добро. Со Святыми же Отцами онъ еще того больше мученій испыталъ. Думалъ, что гонить ихъ по дорогѣ въ адъ и только тогда убѣждался въ ошибкѣ, когда видѣлъ, что гонимый скрылся отъ него во вратахъ рая. Вотъ отъ этихъ-то своихъ ошибокъ онъ вѣчно и мучается, и лютуетъ. Для его гордыни всякая прикосновенность къ цѣлямъ Промысла и къ путямъ спасительности Христіанства есть источникъ невыносимыхъ мукъ. Только одной этой невольной прикосновенности къ вѣчному добру онъ и боится, и трепещетъ. Поэтому, учись за все благодарить Бога и ты этимъ обезоружишь дьявола и сдѣлаешься для него опаснѣйшимъ врагомъ.. А о прошломъ не тужи! Сдѣлавъ хорошее, не кайся зломъ! Да благословить тебя Господь Богъ Нашъ!—закончилъ рѣчь свою о. Іоаннъ.

VII.

— Отче Іоанне! Вотъ уже 5 лѣтъ я не видалъ тебя, нашъ всероссійскій старецъ! Радуюсь за тебя, что ты не стяжалъ чести въ средѣ этой Вавилонской орды, нахлынувшей на нашу государственность подъ предводительствомъ врага рода человѣческаго. Радуюсь, что по ненависти многихъ къ имени твоему теперь народу нашему легко различать, гдѣ Божьи, твои и наши враги. Въ имени твоёмъ ниспослалъ Господь мечъ, раздѣляющій добро отъ зла, старое отъ новаго и вѣрнаго отъ невѣрнаго. Радуйся же и ты, отче праведный, что Богъ сподобилъ тебя такъ долго быть благодатнымъ спутникомъ Св. Руси на ея крестномъ пути!

Л. Е. Катанскій.

„РУССКОЕ ЗНАМЯ“

ОРГАНЪ СОЮЗА РУССКАГО НАРОДА.

«РУССКОЕ ЗНАМЯ» проповѣдуетъ основныя положенія Союза Русскаго Народа, заключающіяся:

во **1-хъ** въ сохраненіи каноническаго устройства Православія на Руси;

во **2 хъ** въ сохраненіи Царскаго Неограниченнаго Самодержавія, неразрывно и жизненно связаннаго съ Св. Православною Церковью;

въ **3-хъ** въ недопущеніи партійнаго сословнаго главенства въ управленіи дѣлами Имперіи

и въ **4-хъ** въ поддержаніи господства великой Русской народности не только во внутреннихъ губерніяхъ, но и на окраинахъ.

ЦѢНА ИЗДАНІЯ:

1 годъ	4 р.
$\frac{1}{2}$ »	2 »
$\frac{1}{4}$ »	1 »
1 мѣсяць	50 к.

Подписка принимается въ СПБ. Измайловскій полкъ, 4-я рота, № 6 и во всѣхъ отдѣлахъ Союза Русскаго Народа по Россіи.

Редакторъ-издатель А. И. Дубровинъ.

— 16 СЕН 1946

Цѣна 5 коп.

Складъ изданія: Измайловскій полкъ, 4-я рота, д. № 6.

2007056318

